

...ИННОКЕНТИИ СМОКТУНОВСКИЙ, исполнитель одной из главных ролей в новой пьесе Александра Гельмана, до начала репетиции молча сидел на сцене, о чем-то думал, потом, словно очнувшись, спросил:

— Когда премьера?
— Генеральная — одиннадцатого, — ответил Олег Ефремов, постановщик спектакля.

— Ноября? — спросил артист.

— Октября...
— Октября?! — удивился Смоктуновский.

— На пятнадцатое уже проданы билеты... — улыбнулся Ефремов.

Тверской бульвар. Новое здание МХАТа. Пустынный, задернутый холстом партер, темнеет только пятно кресел в десятом ряду, по соседству с режиссерским столиком...

По паутинкам проводов, как пауки, проворно поднимаются прожектора, еще мгновение — и они уставятся горящими глазами на необычную декорацию — восемнадцать кубов, повернутых ребрами к зрителю. Приземистые у рамы, они вырастают до семи метров в последнем, шестом ряду у задника. Получается «амфитеатр кубов». На них-то и развернется действие...

Всего неделя, как репетиции вынесены на сцену; говоря театральным языком, декорации еще не обжиты, еще возникают споры, на каком из восемнадцати кубов играть.

СМОКТУНОВСКИЙ. Вы были вчера на куб, правее и выше.

НЕВИННЫЙ (взобравшись «правее и выше»). Даю что угодно — не здесь!

ЕФРЕМОВ. Не надо спорить, братцы: вчера был вариант, когда играли на десятом и одиннадцатом кубе. Потом от него отказались, а у вас это запало в душу.

— С известным художником из Чехословакии И. Свободой мы перебрали много вариантов декораций, полгода ушло, пока нашли, что искали, — говорит Олег Ефремов. — Вначале нагородили кабинеты, которые разворачивались, ездили туда-сюда... Но потом решили сделать более условную декорацию, и в ней оказалось все — и площадки строек, и кабинеты, и простор для самых широких поисков.

— «Ритм декораций» потребует аналогичного ритма спектакля?

— Во всяком случае, я бы хотел, чтоб они совпали...

— **КАК** ВЕЛИКА разница между вариантами пьесы, которые ставят МХАТ и «Современник»? — спросил я драматурга Александра Гельмана.

— Она есть, но не очень существенна, — отозвался Гельман. — В мхатовскую постановку я ввел новых действующих лиц, в частности, трех «толкачей» — этих детей несбалансированного планирования. Пьесу пришлось несколько перемонтировать из-за очень интересной декорации. Кроме того, замысел режиссера и конкретные исполнители потребовали некоторых изменений в тексте ролей.

— Как связаны между

речь в пьесе, рядовой инженер писал о неблагоприятной на стройке; в силу ряда причин — беспринципности, местничества и прочих — сигнала не был услышан, можно даже сказать, что кое-кто не захотел его услышать. Это один круг вопросов. Есть и другой: как отдельные компромиссы, неразумные поступки, умножаясь, интегрируясь, приводят к очень печальным последствиям.

Мне кажется, ошибки, так сказать, диалектичны: развитие не может происходить «без сучка и задоринки»; но, как ни парадоксально звучит, ошибки нам тоже помогают, если своевременно, всесторонне, подробно, беспощадно их суметь проанализировать, что

ру Игорь; то и дело слышалось: «Игорь, дай Смоктуновского!» — и в артиста бил сноп света, — или: «Игорь, гаси Евстигнеева!.. Да не контровой гаси — портретный!» — и тогда оставался один верхний «паук», высвечивая лишь силуэт актера...

Сейчас, когда до премьеры осталось не так много времени, суфлер ревниво следит, чтобы при любой репетиции проговаривался весь текст — для памяти — от первого до последнего слова, поскольку текст некоторые знают пока «не так, чтоб очень».

— **ТЕПЕРЬ** можем поговорить, — Ефремов садится рядом и молча смотрит, как, погаснув, медленно

На репетиции И. Смоктуновский и О. Ефремов.

ЗАСЕДАНИЕ ПАРТКОМА ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

Два года назад на экраны вышел фильм «Премия», снятый по сценарию Александра Гельмана и удостоенный затем Государственной премии СССР. Миллионы зрителей познакомились и со сценическим вариантом «Премии», поставленным в десятках советских и зарубежных театров. Теперь — новая работа драматурга. Несколько дней назад корреспондент «ЛГ» побывал во МХАТе, где заканчиваются репетиции спектакля «Обратная связь».

собой «Премия» и «Обратная связь»?

— В «Обратной связи» исследуется, как субъективные и объективные ошибки могут породить такие истории, как, скажем, та, что положена в основу сюжета «Премии». То есть, грубо говоря, рассматриваются те же проблемы, но на другом уровне управления.

— Как вы объясняете термин, вынесенный в заголовок пьесы?

— По опыту газетной работы я хорошо знаю, что вскрытию всяких хозяйственных неполадок часто предшествуют какие-то сигналы с мест — как говорят, снизу. И руководитель должен уметь не только отдавать приказы, но и прислушиваться к мнению рядовых работников. Это и есть обратная связь. Если она существует, любой организм — в том числе хозяйственный — функционирует правильно. Если она нарушена, тогда дело плохо. Так и здесь: еще за год до событий, о которых идет

бы извлечь драгоценные уроки. Не только во имя настоящего, но и во имя будущего. Ибо есть прямая связь между тем, чему учит жизнь, и уроками, которые мы извлекаем...

ЕЩЕ НЕ ХВАТАЕТ реkvизита...

Вот Невинный, утвердившись наконец на одном из кубов, снимает телефонную трубку и набирает номер; раздастся звонок... и больше ничего не раздастся — молчит абонент.

НЕВИННЫЙ. Зимин, снимай трубку — говорить с тобой хочу!

ЗИМИН (страдальчески морщась). У меня телефона нет...

ЕФРЕМОВ. Говори в кулак!..

В проходе перед десятым рядом — столик, на нем небольшой пульт с телефонной трубкой и пятью кнопками; под двумя табличками — «помреж» и «свет». При мне на «помрежа» Ефремов не жал, зато в «большой моде» были «свет» и невидимый ми-

спускаются по кабелям прожектора.

— Пожалуйста, несколько слов о пьесе...

— Вначале об авторе. Мы знаем, как ответственно писать произведения, развивающие, по выражению Станиславского, общественно-политическую линию в театре. Автор должен хорошо знать, о чем пишет. Мало того, должен быть активно заинтересованным человеком. **Активно** — понимаем? — заинтересованным. Чтоб все, что происходит вокруг, становилось его радостью и его болью. Вот Гельман — как раз один из наших общественно активных драматургов. К тому же он великолепно знает, о чем пишет.

В новой пьесе Гельман продолжает линию, начатую в «Заседании парткома», — говорит о людях, которые, видя какие-то недостатки, хотят вмешаться и поправить положение. Это не всегда легко, иногда даже связано с риском для личного благополучия, — тем больше уважения внушают к себе такие люди.

В ситуации, предложенной драматургом, мы не хотели называть конкретных виновников ошибки, допущенной на стройке, не хотели давать готовых решений — пусть сам зал решает. Но, я думаю, зритель поймет, что правы наши

герои — секретарь горкома (его играет И. Смоктуновский) и секретарь обкома партии (А. Попов). Эти актеры выбраны на роли не случайно — в их индивидуальностях, так сказать, «заложено» интеллектуальное, интеллигентное начало. Дело еще и в другом. На нынешнем этапе строительства социализма нельзя быть «руководителем вообще». Эпоха научно-технической революции требует квалифицированного, конкретного руководства, знания дела в деталях. Сейчас нужен иной, чем, скажем, двадцать лет назад, уровень руководства, другая культура его. И пьеса именно это утверждает. Утверждает через главных своих героев — партийных руководителей, которых играют Смоктуновский и Попов.

— А вот вы спросите Иннокентия Михайловича, что он думает о своей роли, — сказал режиссер, заметив подсевшего к нам Смоктуновского.

— Могу ответить, — отозвался тот. — В театре я впервые играю партийного работника. Не скажу, что это легче, чем играть Чацкого или князя Мышкина. И те, и другие — борцы не только за человека, но — в первую очередь — за человека в человеке.

— Неужели-ели нет разницы? — удивленно протянул Ефремов.

— Конечно, разница есть, и огромная: другая эпоха, другие люди, иной нравственный потенциал общества... Проблемы, которым посвящена пьеса, что называется, животрепещущи — мы каждый день читаем о них в газетах, слышим по радио. Они не только современные — злободневны. Поэтому и средства выявления образа должны быть просты и узнаваемы; мы ведь играем сегодня, сейчас... Но знаете, актер лучше играть, чем объяснять, что он хочет сделать...

— Это-то верно... — согласился Ефремов...

Я ушел из театра и все вспоминал, как Ефремов на репетиции ходил на сцене между кубами, смотрел, слушал, мямл в пальцах незажженную сигарету, неожиданно вырвался в диалог. И в конце каждый раз повторил, как заклинание:

— Братцы, ищите характеры! Без них — пропадем...

...Так было на многих репетициях, так было и первого октября — в день пятидесятилетия народного артиста СССР Олега Николаевича Ефремова...

Григорий ЦИТРИНЯК

Фото автора